

100 ЭТЮДОВ О КАНТЕ

УНИВЕРСИТЕТ
КНИЖНЫЙ ДОМ

Москва
2005

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)в6
С81

С81 **100 этюдов о Канте** / Общ. ред. В. В. Васильева. — М.: КДУ, 2005. — 272 с.

ISBN 5-98227-097-0

В книге представлены суждения о Канте ведущих мировых и отечественных философов и историков философии, высказанные ими в рамках Международного кантовского интервью, проведенного под эгидой кафедры истории зарубежной философии философского факультета МГУ в конце 2004 года. Совмещение различных оценок философии Канта позволит читателю создать объемный образ этого мыслителя и лучше прочувствовать глубину самой философии.

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)в6

Научно-популярное издание

100 этюдов о Канте

Общая редакция, составление, предисловие, перевод В. В. Васильева

Ведущий редактор *Штерн А. Л.*

Корректор *Савичева О. А.*

Оформление *Орлова-Петрушина М. О.*

Компьютерная верстка *Вильшанская Ю. В.*

Сдано в набор 26.05.05. Подписано в печать 13.07.05.

Формат 70x108/32. Бумага офсетная. Гарнитура «Гарамонд».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,9. Тираж 1000 экз. Заказ № 1063.

ООО «Издательство «КДУ». 119234, г. Москва, а/я 587.

Тел./факс (095) 939-40-51, 939-57-32. E-mail: kdu@kdu.ru. [Http://www.kdu.ru](http://www.kdu.ru)

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных

диапозитивов в ООО «Первая Чебоксарская типография»

423019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15.

ISBN 5-98227-097-0

© Васильев В. В., составление,
предисловие, перевод, 2005.

ЭПОХА КАНТА

В 2004 году исполнилось 200 лет со дня смерти Канта и 280 лет со дня его рождения. Философское сообщество откликнулось на эти даты десятками конференций и конгрессов, которые прошли по всему миру, в том числе и в России — в Калининградском университете (февраль и апрель), в Институте философии РАН в Москве (май), на философском факультете МГУ (декабрь) и в других философских центрах. Но главное юбилейное событие ожидает кантоведческое сообщество в сентябре 2005 года, когда в Бразилии состоится X Международный кантовский конгресс. Подобные конгрессы, проходящие один раз в пять лет, собирают многие сотни участников и «производят» многотомные «материалы» (к примеру, по итогам предыдущего, берлинского конгресса было издано пять увесистых томов статей его участников). Можно уверенно констатировать, что ни один философ прошлого и настоящего не способен в такой мере, как Кант, объединять вокруг себя целые армии исследователей. Причем речь идет не только о «кантоведах», т. е. об узких специалистах, пишущих работы по разным темам кантовской философии. Интерес к Канту гораздо шире. В известном смысле Кант является вдохновителем, а иногда и равноправным участником многих современных дискуссий. К примеру, крупнейшие этики наших дней Карл-Отто Апель и Питер Сингер прямо

признают свою зависимость от идей Канта. В не меньшей мере актуальны и политические концепции кенигсбергского мыслителя. Глобализация, соблюдение прав человека, стремление к всеобщему миру — все эти кантовские темы насущны и для современного человечества. Неудивительно, что Кант является одной из самых уважаемых фигур для политического истеблишмента крупнейших демократий мира. Большим успехом пользуются и эстетические теории Канта. Хорошо известно, что Кант был не очень эрудированным искусствоведам. Но отчасти именно поэтому он смог создать такое учение о природе прекрасного, возвышенного и о сущности художественного творчества, которое пережило его время и оказалось универсальным инструментом для анализа искусства, в том числе современного, на первый взгляд полностью порывающего с прошлым.

Впрочем, влияние Канта не ограничивается прикладными концепциями. Интерес по-прежнему вызывают и базовые принципы его «трансцендентальной философии», т. е. учения об априорных компонентах человеческого познания. Современная когнитивная наука, сформировавшаяся в результате революции, осуществленной в середине XX века легендарным американским мыслителем Ноамом Хомским, возродившим учение о «врожденных идеях» как специализированных когнитивных механизмах речи, восприятия и т. п., по духу очень близка кантовскому априоризму. Правда, сам Хомский не склонен встраивать собственные идеи в контекст кантовской философии. В свое время он испытал влияние известного историка философии А. Лавджоя, который

ставил перед собой цель развенчать Канта (в наши дни сходную позицию занимает знаменитый писатель и философ Умберто Эко, утверждающий, что «этот Кант сильно преувеличен») и сейчас не хочет менять свои взгляды. Хомский считает, что в традиции иннативизма, которую он продолжает, гораздо большее значение, чем Кант, имеют такие фигуры, как Декарт, Кедворт (и другие «кембриджские платоники»), Лейбниц и др. Однако многие современные когнитивисты, к примеру Э. Брук, не соглашаются с этими оценками и, наоборот, обосновывают необходимость привлечения идей Канта к исследованиям когнитивных процессов. Не меньшую роль играет кантовский трансцендентализм и в современной аналитической философии. Еще в 60-е годы XX века оксфордский философ Питер Стросон привлек внимание к методологической плодотворности кантовской «трансцендентальной аргументации», позволяющей восходить от фактических данностей опыта к их необходимым условиям в сознании. «Кантизация» аналитической философии Стросоном способствовала возрождению интереса аналитиков к метафизическим проблемам и отчасти предопределила расцвет «философии сознания» (которую не без основания называют «первой философией» наших дней) в конце XX века. Может, правда, показаться, что современные философы сознания чаще ссылаются на Декарта, чем на Канта. Но роль психофизического дуализма Декарта для современной философии сознания такова, что — если перефразировать знаменитый афоризм Ф. Г. Якоби о понятии вещи в себе у Канта, — хотя без этого дуализма нельзя

войти в философию сознания, с ним нельзя в ней оставаться. Идеи же Канта не выглядят в ней чужеродными и могут работать в ее контексте.

Одним словом, влияние Канта на современную англо-американскую философию (представители которой находятся в авангарде философии сознания и когнитивной науки) весьма значительно. Развито здесь и собственно кантоведение. Более того, пожалуй, именно англо-американское кантоведение вышло на лидирующие позиции в мире. Североамериканское кантовское общество является одной из мощнейших кантоведческих организаций в мире, в Великобритании и США появляются десятки книг о Канте и новые качественные переводы его работ, лекций и фрагментов его рукописного наследия, скомпонованные в Кембриджское издание, которое выходит под руководством Пола Гайера и Алена Вуда. Второе место в мировом кантоведении уверенно удерживает Германия. Для современных немецких специалистов по философии Канта характерен своего рода эмпирический герменевтизм, приносящий, впрочем, блестящие плоды. Особого упоминания заслуживает деятельность директора Кантовского архива, профессора Марбургского университета Вернера Штарка, с именем которого связан ряд сенсационных находок ранее утраченных кантовских текстов (в частности, в 2000 году им был обнаружен экземпляр «Метафизики» вольфианца А. Г. Баумгартена, на полях которого находятся многочисленные рукописные пометки «раннего» Канта, позволяющие лучше понять истоки его трансцендентальной философии). Другие немецкие канто-

веды, прежде всего Р. Брандт, Н. Хинскеи Д. Хенрих, дают великолепные образцы реконструкции идейных контекстов философии Канта. Хинске, впрочем, жалуется, что в Германии в наши дни почти не издается концептуальных работ по философии Канта в целом.

Об идейном кризисе немецкого кантоведения свидетельствуют и другие авторы. Хотя ситуацию не стоит драматизировать. Новые концептуальные работы все же появляются. К примеру, в феврале 2004 года, ровно через 200 лет после смерти Канта, молодой берлинец Герхард Шварц издал книгу с громким названием “*Est Deus in nobis*” («Есть Бог в нас»), в которой он предлагает совершенно новую интерпретацию учения Канта о практическом разуме, интерпретацию, сближающую Канта с Фейербахом, который говорил о божественности человеческой природы. Шварц базирует свои выводы на анализе поздней рукописи Канта, “*Opus postumum*”. Особое внимание к текстам «Опуса» привлекает также Б. Тушлинг. Другие немецкие кантоведы, однако, сопротивляются легитимизации «Опуса», считая его продуктом старческой немощи великого философа. Споры вокруг «Опуса» составляют одну из главных интриг кантоведения наших дней.

В этом споре, кстати, участвуют не только немецкие и англоязычные специалисты, но и отечественные авторы, прежде всего петербургский философ С. А. Чернов. Вообще, вес российского кантоведения на мировой арене весьма высок. Значительный вклад в исследования философии Канта в последние десятилетия внесли такие историки мысли, как В. Н. Брюшинкин, А. А. Гусейнов, Т. Б. Длугач, А. Л. Доброхо-

тов, В. А. Жучков, Л. А. Калинин, А. Н. Круглов, В. Н. Кузнецов, К. А. Михайлов, В. И. Молчанов, Н. В. Мотрошилова, Т. И. Ойзерман, В. К. Шохин и др. Вообще же, российские философы еще с времен Н. М. Карамзина были неравнодушны к Канту. Разброс мнений всегда был предельно широк: от восхищения до ненависти. Настоящее бешенство вызывал Кант у некоторых религиозных авторов вроде П. Флоренского (об этом в свое время прекрасно написал А. В. Ахутин в статье «София и черт», опубликованной в «Вопросах философии»). Они не могли смириться с тем, что Кант объявлял человека «абсолютной ценностью» — тезис, несовместимый с религиозным фанатизмом. Любопытно, однако, то, что в наши дни именно Кант выступает главным защитником тех, кто пытается противостоять тотальному наступлению натуралистического мировоззрения. Ведь он доказывал, что ценность человеческой личности укоренена в умопостижимом мире, мире ноуменов. Натурализация человека, как считают многие современные российские философы, превращает его в бездушный биологический механизм. А вот западные авторы, главным образом англоязычные, полагают, что моральные и иные ценности человеческой жизни могут быть совмещены с натуралистической картиной мира, и пытаются трансформировать соответствующие идеи Канта в натуралистическом ключе.

Одним словом, кантоведение начала XXI века живет активной жизнью, питая своими разработками современную философию. Между тем, несмотря на все интеграционные тенденции, различные кантоведческие сообщества

по-прежнему в значительной степени изолированы друг от друга. В этой связи представляют интерес попытки получения сводной картины рецепции его идей философами и историками философии начала нового тысячелетия. Весной 2004 года я решил сделать своего рода подарок своим студентам на философском факультете МГУ им. М. В. Ломоносова и всем, кто интересуется Кантом, организовав Международное кантовское интервью. Для меня было очевидным, что в качестве респондентов примерно в равной пропорции должны выступить ведущие англо-американские, немецкие и российские специалисты по кантовской философии. Было принято решение не размениваться на детали, а задать три «лобовых» вопроса: о 1) непреходящем значении тех или иных идей Канта, 2) его основных ошибках, а также о 3) прогрессе в понимании Канта. В итоге этот проект, в успехе которого поначалу были большие сомнения, оказался весьма результативным, дав действительно репрезентативную картину современного мирового кантоведения. Наряду с известными отечественными кантоведами и историками философии, такими, как А. А. Гусейнов, Т. И. Ойзерман, А. В. Ахутин, В. В. Бибихин, Г. Д. Гачев, Ф. И. Гиренок, А. Л. Доброхотов, В. А. Жучков, А. Н. Круглов, В. Н. Кузнецов, Г. Г. Майоров, Е. В. Мареева, К. А. Михайлов, В. И. Молчанов, Н. В. Мотрошилова, В. В. Соколов, З. А. Сокулер, Г. Я. Стрельцова, В. К. Шохин (Москва), В. Н. Брюшинкин, Л. А. Калининников, А. Н. Троепольский (Калининград), С. А. Чернов (Санкт-Петербург), В. Н. Белов (Сара-

тов), **М. Ф. Быкова** (North Carolina State University, Raleigh, USA) и **Н. С. Плотников** (Ruhr-Universität Bochum, Deutschland), в интервью приняли участие влиятельные западные философы и историки мысли — **К.-О. Апель** (Apel, Johann Wolfgang Goethe-Universität Frankfurt, Deutschland), **А. Геллер** (Heller, New School University, New York, USA), **Н. Лобковиц** (Lobkowitz, Katholischen Universität Eichstätt-Ingolstadt, Deutschland), **К. Макгинн** (Rutgers University, New Brunswick, USA), **О. О’Нил** (O’Neill, University of Cambridge, UK), **Р. Рорти** (Rorty, Stanford University, USA), **П. Сингер** (Singer, Princeton University, USA), **Б. Страуд** (Stroud, University of California, Berkeley, USA), **П. Ф. Стросон** (Strawson, University of Oxford, UK), **В. Хёсле** (Hösle, University of Notre Dame, Indiana, USA), **Ю. Штольценберг** (Stolzenberg, Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, Deutschland), ключевые фигуры мирового кантоведения — президент Кантовского общества, соредактор журнала “Kant-Studien” **М. Баум** (Baum, Bergische Universität Wuppertal, Deutschland), вице-президент Кантовского общества **Ф. Герхард** (Gerhardt, Humboldt-Universität zu Berlin, Deutschland), президент Североамериканского кантовского общества **П. Китчер** (Kitcher, Columbia University, New York, USA), вице-президент Североамериканского кантовского общества **Э. Уаткинс** (Watkins, University of California at San Diego, USA), директор Кантовского архива в Марбурге, соредактор Академического издания сочинений Канта **В. Штарк** (Stark, Philipps-Universität Marburg, Deutschland), руководитель Кантовского исследовательского центра

Х.-М. Герлах (Gerlach, Johannes Gutenberg-Universität Mainz, Deutschland), соредакторы Кембриджского издания сочинений Иммануила Канта на английском языке **П. Гайер** (Guyer, University of Pennsylvania, Philadelphia, USA) и **А. Вуд** (Wood, Stanford University, USA), главный редактор журнала “Kantian Review” **Х. Уильямс** (Williams, University of Wales, Aberystwyth, UK), президент Кантовского общества Бразилии **В. Роден** (Rohden, Universidade Luterana do Brasil, Porto Alegre, Brasil), авторы сетевых проектов “Kant on the Web” и “Immanuel Kant in Italia” **С. Палмквист** (Palmquist, Hong Kong Baptist University, China) и **П. Джорданетти** (Giordanetti, Università degli Studi di Milano, Italia) и целый ряд ведущих специалистов по философии Канта с четырех континентов — **К. Америкс** (Ameriks, University of Notre Dame, Indiana, USA), **Д. Барнэм** (Burnham, Staffordshire University, UK), **Г. Бёме** (Böhme, Technische Universität Darmstadt, Deutschland), **К. Бикман** (Bickmann, Universität zu Köln, Deutschland), **М. Борхес** (Borges, University of Santa Catarina, Florianopolis, Brasil), **Р. Брандт** (Brandt, Philipps-Universität Marburg, Deutschland), **Э. Брук** (Brook, Carleton University, Ottawa, Canada), **Р. Васнер** (Wahsner, Max-Planck-Institut für Wissenschaftsgeschichte, Berlin, Deutschland), **К. Вестфал** (Westphal, University of East Anglia, Norfolk, UK), **М. Вето** (Veto, University of Poitiers, France), **М. Виллашек** (Willaschek, Johann Wolfgang Goethe-Universität Frankfurt, Deutschland), **М. Вольф** (Wolff, Universität Bielefeld, Deutschland), **С. Гарднер** (Gardner, University College, London, UK), **Р. Гринберг** (Greenberg, Brandeis University, Waltham,

USA), **Т. Грундман** (Grundmann, Universität zu Köln, Deutschland), **К. Дирксмайер** (Dierksmeier, Stonehill College, Easton, USA), **К. Дюзинг** (Düsing, Universität zu Köln, Deutschland), **М. Кастильо** (Castillo, Université de Paris XII, France), **В. Керстинг** (Kersting, Christian-Albrechts-Universität Kiel, Deutschland), **Х. Клемме** (Klemme, Philipps-Universität Marburg, Deutschland), **К. Корсгаард** (Korsgaard, Harvard University, Cambridge, USA), **Т. Коэн** (Cohen, University of Chicago, USA), **Р. Лауден** (Louden, University of Southern Maine, Portland, USA), **Б. Лонгнесс** (Longuenesse, University of New York, USA), **Р. Маккрил** (Makkreel, Emory University, Atlanta, USA), **А. Мельник** (Melnick, University of Illinois at Urbana Champaign, USA), **С. Нейман** (Neiman, Einstein Forum, Potsdam, Deutschland), **А. Нуццо** (Nuzzo, City University of New York, USA), **Т. Нэнон** (Nenon, University of Memphis, USA), **В. Ойттинен** (Oittinen, University of Helsinki, Finland), **А. Пайпер** (Piper, Wellesley College, USA), **К. Поллок** (Pollok, Philipps-Universität Marburg, Deutschland), **П. Реддинг** (Redding, The University of Sydney, Australia), **Б. Реки** (Recki, Universität Hamburg, Deutschland), **Т. Розефельд** (Rosefeldt, Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg, Deutschland), **Р. Теис** (Theis, Université du Luxembourg, Luxembourg), **Й. Тиммерман** (Timmermann, University of St. Andrews, St. Andrews, UK), **Б. Тушлинг** (Tuschling, Philipps-Universität Marburg, Deutschland), **Э. Уард** (Ward, University of York, UK), **П. Фишер** (Fischer, Universität Stuttgart, Deutschland), **Л. Фламарики** (Flamarique, Universidad de Navarra, Pamplona, España), **Д. Хайдеман** (Heidemann,

Universität zu Köln, Deutschland), **Р. Хауэл** (Howell, State University of New York at Albany, USA), **Д. Хенрих** (Henrich, Ludwig-Maximilians-Universität München, Deutschland), **О. Хёффе** (Höffe, Eberhard Karls Universität Tübingen, Deutschland), **Т. Хилл** (Hill, University of North Carolina, Chapel Hill, USA), **Н. Хинске** (Hinske, Universität Trier, Deutschland), **К. Э. Худ** (Hood, University of Wisconsin-Platteville, USA), **Р. Хэн** (Hahn, Southern Illinois University at Carbondale, USA), **Г. Шварц** (Schwarz, Berlin, Deutschland), **Г. Шмитц** (Schmitz, Christian-Albrechts-Universität Kiel, Deutschland), **Д. Шонекер** (Schoenecker, Stonehill College, Easton, USA), **Д. Эдвардс** (Edwards, State University of New York at Stony Brook, USA), **Г. Эллисон** (Allison, University of California, Davis, USA).

Можно допустить, что не все участники этого проекта с «западной стороны» известны широким кругам отечественных читателей. Но на мой взгляд, это не имеет принципиального значения. На тексты их ответов можно смотреть не только как на выражение мнения этих конкретных философов, но и как на штрихи, уточняющие значение фигуры Канта. Совмещение всех представленных перспектив позволяет создать объемный образ философии Канта, а также в каком-то смысле полнее прочувствовать глубину самой философии.

При проведении интервью мне помогали В. Ю. Курпачков, А. Н. Круглов, Т. Розефельд и Ю. Штольценберг. Впервые оно было опубликовано в сборнике философского факультета МГУ «Историко-философский альманах», выпуск 1, М., 2005. Для книжного издания текст был заново отредак-

тирован, снабжен примечаниями и новым предисловием. Все данные по участникам этого проекта указаны по состоянию на конец 2004 года. Перевод с немецкого и английского В. В. Васильева. Перевод с французского А. В. Энговатовой под ред. В. В. Васильева. Второе издание осуществлено при спонсорской поддержке Александра Мацкевича и Дианы Гаспарян.

Вадим Васильев

моральную ответственность за действия, которые, предположительно, были определены им.

ПАЛМКВИСТ С.

Зрелая философия Канта (начиная с 1781 года) образует некое систематическое целое, полагание одной-единственной идеи в самых разных аспектах и с множеством импликаций и приложений. Дабы в полной мере осознать непреходящее значение этой идеи, мы должны в равной степени ценить все части этого целого, хотя Кант объяснял и отстаивал некоторые из этих частей более ясно и убедительно, чем другие. Объединяющей доминантной идеей Канта является идея коперниканского переворота (т. е. трансцендентальная перспектива, сообразно которой субъект определяет объект, а не наоборот). При надлежащем ее понимании теоретическая философия Канта (особенно парадокс трансцендентального идеализма / эмпирического реализма) предстает в качестве импульса к научным революциям последних 150-и лет; кроме того, эта идея позволяет нам рассматривать практическую философию Канта (особенно свободу и моральный закон) в том свете, в котором она согласуется с абсолютно современным и даже экзистенциальным осознанием культурного плюрализма; и она позволяет нам уяснить более глубокие импликации различных аспектов его критической философии (особенно его теорию прекрасного и целесообразности природы, силу религиозности и путь к вечному политическому миру). Идеи Канта до 1781 года имеют значение главным образом потому, что они проясняют эволюцию его мысли; если бы

1.?

Кант умер в 1770 году, то, в лучшем случае, лишь некоторые из его идей вызывали бы более чем исторический интерес в наши дни.

ПЛОТНИКОВ Н. С.

К таким идеям, на мой взгляд, относится (пере)открытие трансцендентального измерения сознания, т. е. некоей структуры субъективной деятельности (в познании, волеии и чувствовании), которую нельзя свести ни к эмпирическим свойствам данной фактичности, ни к физическим (в частности, психофизиологическим) событиям, происходящим в человеческом индивидуе, ни к социальным отношениям. Именно это измерение впервые делает возможным приведение нашего опыта мира к консистентному единству и придание ему смысла. Кроме того, в этом трансцендентальном измерении лежит источник *автономии* человеческих действий, при помощи которой может быть обосновано понимание практической жизни как свободной и самостоятельно определенной деятельности. При отсутствии этих качеств свободного причинения человеческое действие, по выражению Канта, напоминало бы «вертел», «который, будучи однажды заведен, движется сам по себе». Поскольку в наши дни слышны призывы признать мысль об автономии иллюзией — к чему подталкивают успехи нейронауки, — это кантовское предостережение является очень актуальным.

ПОЛЛОК К.

В первую очередь те, которые он разработал между инаугурационной диссертацией (1770) и «Спором факультетов»

2.?

лиц, или из понятия действия, или из формальной процедуры рационального размышления. Все допускают ту самую ошибку, от которой предостерегал сам Кант в первой «Критике», а именно от предположения, что эмпирическое понятие может быть выводимо из трансцендентального. Это отношение имеет более сложный характер; а в случае морали необходимо заново устанавливать его на обходном пути разумной саморегуляции.

ПАЛМКВИСТ С.

Главной ошибкой Канта было то, что без ясной аргументации и надежного обоснования он допустил, что аналитическое а *posteriori* должно быть исключено из классификации знаний. Он разделяется с ним как очевидно самопротиворечивым за одно предложение. Между тем этот часто игнорируемый «скрытый четвертый» аспект кантовской эпистемологической матрицы может рассматриваться как ключ к решению множества проблем, которые доставляли немало хлопот самому Канту. В первой «Критике» Кант отрицает, что спекулятивная метафизика открывает нам доступ к априорному синтетическому знанию, но не говорит, как нам *следует* классифицировать «регулятивные идеи», которые занимают его место. Во второй «Критике» Кант называет свободу единственным «фактом» практического разума, но ничего не говорит о том, как мы можем эпистемологически представлять этот факт. А в третьей «Критике» Кант неоднократно допускает, что ноуменальный мир может каким-то образом вламываться в феноменальный, но не имеет точки опоры для этого допущения в санкционированной им терминологической матрице, если не считать таковой его крайне пробле-

матичные заявления о том, каким образом синтетическое а priori якобы функционирует исходя из этой позиции. Ясное объяснение и признание аналитического а posteriori решило бы все эти (и многие другие) проблемы.

ПЛОТНИКОВ Н. С.

Фундаментальную ошибку кантовской реконструкции трансцендентальной сферы я усматриваю в том, что Кант перетягивает свою излюбленную правовую модель интерпретации (закон в противоположность частному случаю) в теоретическую и практическую философию. Подобная *правоморфность* кантовского способа объяснения диктует определенное толкование как познания (рассудок в противоположность чувственности), так и действия (нравственный закон в противоположность склонностям), исключаящее или превратно интерпретирующее целые сферы теоретической и практической рациональности. В теоретической сфере кантовская модель не позволяет узаконить историческое познание да и вообще познание, относящееся к наукам о духе. Что же касается области практической жизни, то сам Кант сталкивался с немалыми трудностями, пытаясь найти надлежащую интерпретацию феноменам деятельностной мотивации на основе своей правоморфной модели.

ПОЛЛОК К.

Главная ошибка Канта состояла в том, что он не сделал четкого заявления, что все заметки, которые мы сегодня объединяем под названием “Opus postumum”, никогда не выходили за пределы мысленного эксперимента.

дущими нового материала мы становимся. Сегодня нам гораздо доступнее весь корпус кантовских сочинений, как в переводе, так и в немецком оригинале. Кроме того, справедливо отказавшись от излишне упрощенного различения аналитической и континентальной философии, мы к тому же имеем доступ к гораздо более полному набору подходов к идеям Канта и их интерпретациям. Планета наша все уменьшается, и мы наращиваем, интенсифицируем и углубляем поле диалога исследователей Канта из разных стран; и этот процесс, в свою очередь, углубляет оценку его мысли.

ПАЛМКВИСТ С.

Да и нет. В наши дни имеется такое множество интерпретаций Канта, что читатель может выбирать между теми, которые уступают плохим интерпретациям столетней давности, и теми, которые лучше хороших прежних. В общем я считаю, что главные тенденции современного кантоведения развиваются в верном направлении — усмотрения Канта в целом и понимания того, что большинство его идей *может* иметь значение (а значит, при благоприятной интерпретации имеет его), и прочь от упрощенных или односторонних интерпретаций, которые вырывают аргументы из контекста, а затем выражают неудовольствие по поводу того, что интерпретатор не понимает Канта. Публикация в последние годы множества его студенческих лекционных записей и прекрасных критических изданий его сочинений (таких, как английское Кембриджское издание) тоже очень помогают ученым глубже понять громадный философский корпус Канта. Но для тех, кто пренебрегает систематической

целостностью зрелой философии Канта, возможности для непонимания сейчас велики как никогда.

ПЛОТНИКОВ Н. С.

Почти ровно сто лет назад (1902) в предисловии к начинавшему тогда выходить Академическому изданию работ Канта В. Дильтей выдвинул требование понимать Канта лучше, чем он понимал сам себя. Нет сомнения, что *историческое* понимание кантовской философии далеко продвинулось с тех времен и нарисовало более точный образ его философии в контексте его эпохи, чем тот, которым мог похвалиться Дильтей перед своими предшественниками (вспомним, к примеру, о детальных исследованиях Р. Брандта, посвященных кантовской антропологии и ее философско-историческому контексту). Вместе с тем можно усомниться, что мы сегодня лучше понимаем Канта в *систематическом* плане, как это делали И. Г. Фихте или П. Натторп. Ведь они понимали Канта изнутри проблемной ситуации, и хотя она, возможно, больше не является нашей проблемной ситуацией, но она давала возможность весьма глубокого проникновения в кантовские концептуальные конструкции. Поэтому для характеристики теоретического соотношения с Кантом подходит скорее тезис Гадамера о *другом понимании*, но на базе все улучшающейся основы для понимания.

ПОЛЛОК К.

Сегодня существует возможность лучшего понимания Канта по сравнению с тем, что было еще сто лет назад. (1) Если говорить о первоисточниках, т. е. о произведениях, пись-